

ской власти в городе на базе этих специализированных школ были открыты железнодорожный, дорожно-механический техникумы, педагогическое училище, областное музыкальное училище и музыкальная школа. В фондах Госархива Брестской области сохранилось объявление о наборе учащихся в педагогическое училище, которое готовило учителей начальных и неполных средних школ. Занятия начинались с 20 декабря 1939 года, принимались лица с 15 до 30 лет, имевшие неполное среднее или среднее образование. Выходцы из «буржуазных и помещичьих семей» не принимались. Поступающие сдавали экзамены по русскому языку, математике, физике, географии и природоведению. Студенты из сельской местности обеспечивались жильем и питанием за государственный счет. Срок обучения был 3 года. Училище размещалось на ул. К. Маркса. [9, 36] С целью подготовки учителей более высокого уровня в Бресте до конца 1941 года планировалось открыть учительский институт, но по известным причинам эти планы не осуществились. Открыть учительский институт удалось только в 1945 году.

Согласно постановлению Бюро обкома партии от 14 декабря 1939 г., все школы Брестской области объявлялись государственными. Основная масса школ переводилась на белорусский язык обучения, но по желанию родителей было разрешено открывать национальные школы. Учитывая национальный состав населения довоенного Бреста, активная белорусизация здесь не проводилась. Так, на 1 сентября 1940 года в Бресте было 5 начальных (2 еврейских и по одной польской, русской и белорусской школе) на 1135 учеников; 12 неполных средних школ (по 5 русских и польских, 3 еврейских и 2 белорусских) на 3130 учащихся; 7 средних школ (4 русских, 2 польских и 1 еврейская) на 1145 детей. Кроме того, в городе было открыто 8 школ для неграмотной части взрослого населения и 10 – для малограмотных, в том числе три вечерние школы: русско-белорусская, еврейская, белорусская школа. Городские жители, в отличие от сельских, не противились обучению своему и собственных детей. Таким образом, всеобщим обучением удалось охватить практически все население города. Но снова при проведении столь глубоких реформ возник целый ряд проблем. Новые школы открывались в домах бывших владельцев предприятий, магазинов и т.д., хозяева которых были «заботливо вычищены» органами НКВД. К сентябрю 1940 года в городе планировалось сдать в эксплуатацию две новых школы. Но постройка их не была завершена по банальной причине отсутствия стройматериалов. Увеличение количества школ вызвало проблему кадрового дефицита. Уровень образования педагогов, присланных из восточных областей республики или прошедших учительские курсы, оставял желать лучшего. Практически полностью отсутствовал контроль и помощь школьным учителям со стороны органов народного образования города. Школы не были в должной мере обеспечены учебниками, учебными пособиями, картами, о чем неоднократно говорилось на заседаниях горкома и обкома партии. Если учесть еще и то, что наиболее грамотные и профессиональные учителя школ, работавшие еще при польской власти были отнесены в категорию «врагов народа»,

то ситуация выглядела мрачно. В 1940 г. в школах города работало 454 учителя. [10, 321] Из протокола городской партийной конференции от 14 апреля 1940 г.: «самый крупный недостаток в школьной работе города состоит в том, что учительские кадры сильно засорены чуждыми элементами. 60 учителей города являются выходцами из буржуазных и помещичьих семей. Среди учителей есть явно враждебно настроенные к Советской власти. Горно выявило часть таких учителей и освободило их от работы». [11, 64] Нетрудно догадаться, что стояло за этими сухими строками из протокола горкома партии.

В 1940 году в Бресте было открыто 3 детских дома на 205 и один дошкольный детдом на 65 детей. Но положение в них также не было хорошим. Значительная часть воспитателей не имела педагогического образования, отсутствовал опыт общения с детьми. Опять же и сюда проникли эти вездесущие «классово-чуждые элементы», которых неустанно «разоблачали и выкорчевывали». Санитарное состояние зданий было в ужасающем состоянии, нередко соседями детей в комнатах были мыши, а про таких «домашних» насекомых, как тараканы и клопы, и говорить не приходится. Наркомпрос БССР не обеспечивал снабжение воспитанников детдома одеждой и обувью. Кроме того, продовольственное снабжение детдомов также выглядело неудовлетворительным, часто дети не были обеспечены трехразовым питанием, не говоря уже о горячей пище. Фруктов и овощей, необходимых в детском возрасте, воспитанники практически не видели. А те немногочисленные продукты, которые все-таки поступали в детские дома, часто «перехватывались» обслуживающим персоналом, о чем неоднократно говорилось на заседаниях Бюро обкома КП(б)Б. [12, 107]

В целом, несмотря на все вышеперечисленные проблемы, можно с уверенностью сказать, что система образования в западнобелорусских землях сделала большой шаг вперед по сравнению с польским периодом. Главный упор был сделан на его доступность любому гражданину, хотя качество образования по-советски оставляло желать лучшего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 2. – Мн., 1995.
2. Государственный архив Брестской области (ГАБО), ф.1041, д.1.
3. Памяць. Брэсцкі раён. – Мн., 1998.
4. ГАБО, ф.1, оп.1б, д.6.
5. ГАБО, ф.1, оп.1б, д.1.
6. Белозорович В. А. Западнобелорусская деревня в 1939-1953 годах. Монография. – Гродно, 2004.
7. Ярмусик Э. С. Католический костел в Белоруссии в годы второй мировой войны (1939-1945). Монография. – Гродно, 2002.
8. ГАБО, ф.278, оп.1, д.1.
9. ГАБО, ф.292, оп.1, д.14.
10. Памяць. Брэст. Кніга 1. Мн., 1997.
11. ГАБО, ф.2, оп.1, д.1.
12. ГАБО, ф.1, оп.1, д.5.
13. Мірановіч Я. Найноўшая гісторыя Беларусі. – Спб., 2002.

УДК 93 (470)

Карпович О.В.

А БЫЛ ЛИ ЗАГОВОР? К ВОПРОСУ О ВЫСТУПЛЕНИИ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА

Отечественная историография – по разному оценивала действия генерала Корнилова в августе 1917 г. В большинстве случаев попытку взять Л.Г. Корниловым власть в свои руки называли не иначе как «антиправительственным контрреволюционным мятежом», устроенным «реакционными силами» с целью задуть молодую демократию и революционные завоевания. Правда, до сих пор неясно, можно ли было

назвать происходящее весной-осенью 1917 г. в России демократией и совершенно непонятно, о каких революционных завоеваниях идет речь. И о каком антиправительственном заговоре идет речь, если Корнилов целиком согласовывал свои шаги именно с Временным правительством?

Февральский переворот, 1917 г., названный «буржуазно-демократической революцией», вверг Россию в состояние хаоса

са. Официально страной управляло Временное правительство, но его составы менялись с периодичностью раз в 2 месяца. Реально же все решали Советы рабочих и солдатских депутатов, которые легально создавали свои боевые отряды, не подчинявшиеся официальным властям. Фактически же полной власти в прямом смысле этого слова не было ни у кого. «Петросовет и Временное правительство путаются в собственных распоряжениях, никто не желает исполнять их». [1, 111] Россия, по выражению Ленина, была провозглашена «самой свободной в мире страной», в том числе, видимо, и от власти... Февральский переворот наделил все население России гражданскими правами и свободами, но каждый трактовал эти права и свободы по-своему. Бездумная всеобщая амнистия, объявленная 12 марта 1917 г., привела к тому, что страну наполнили банды уголовников и мародеров. Свобода... Консул США в Москве отмечал, что в тылу происходят грабежи и насилие, идет разгром поместий и имений. Постановлением от 17 апреля была ликвидирована полиция. «Созданная взамен милиция была даже не суррогатом полиции, а ее карикатурой. Кадры милиции стали заполняться людьми совершенно неподготовленными, без всякого технического опыта, или же заведомо преступным элементом. В состав милиции, даже в ее начальники, нередко попадали уголовные преступники, только что сбжавшие с каторги», - писал генерал Деникин. [2, 152] Распоряжения Временного правительства не выполнялись, накопившиеся экономические, политические и социальные проблемы не решались, несмотря на победные реликвии официальных властей. Слаженная работа армии и тыла была нарушена, а как ее восстановить, не знал никто.

Армия в тылу катастрофически разлагалась, под влиянием этого начался процесс разложения и во фронтовых частях. Под воздействием антивоенной пропаганды левых партий началось массовое братание с противником. Получалось довольно любопытно: под оккупацией противника находилось 12 русских губерний или около 20 млн. населения, а на фронте идет братание. «Были случаи братания с участием хоров немецкой музыки, выставлявшихся между нашими и немецкими проволочными заграждениями», - вспоминал позднее об этом периоде Л.Г. Корнилов. [3, 441] Ускорил процесс разложения армии знаменитый Приказ №1, изданный Петропавловом для частей Петроградского военного округа 2 марта 1917 г. и вскоре утверждённый военным министром А.И. Гучковым. Главным в Приказе был пункт, по которому «в своих политических выступлениях воинские части подчиняются Совету рабочих и солдатских депутатов и своим солдатским комитетам». Тем самым ликвидировалась дисциплина и принцип единоначалия. Как писал позднее в своем труде «Очерки русской смуты» генерал Деникин, этот же приказ был издан еще в 1905 г. в Красноярске советом депутатов 3-го железнодорожного батальона. И в 1917 г. он был извлечен на свет в несколько отредактированном и дополненном виде. Редактировал это творение присяжный поверенный Петроградской судебной палаты Н.Д.Соколов, близкий соратник Керенского. Видя последствия этого приказа, Керенский позднее, в эмиграции, восклицал, что отдал бы 10 лет жизни, чтобы приказ не был подписан. [2, 69]

Первую скрипку в армейском оркестре стали играть солдатские комитеты, составленные в первую очередь из представителей социалистических партий, получившие право вмешиваться в деятельность командования и штабов. Ситуация доходила до абсурда: целые полки иногда даже вместе с младшими офицерами самовольно снимались с боевых позиций и уходили на нейтральную полосу «брататься» с сопредельной стороной, либо вообще в тыл. Приказы командования выносились на голосование – стоит ли их выполнять или нет. Офицеры боялись сказать лишнее слово, рискуя угодить на солдатские штыки. Быт тыловых воинских частей составляли митинги и пьянство, служба была забыта. Офицерство, составлявшее костяк армии, подвергалось разнузданной травле со стороны левых партий и их прессы, призывающих к поражению в войне. А Временное правительство не особо

стремилось поддержать этот костяк, по каким-то причинам играя роль стороннего наблюдателя. Русский офицерский корпус, элита армии, приносился в жертву, причем сознательно. Вот как описывал эту ситуацию военный историк А. Керсновский: «Именовавшиеся еще частями толпы отказывались сменять товарищей на фронте. А те, не дожидаясь смены, покидали постылые окопы... И часто в этих опустевших окопах маячили одинокие фигуры в офицерских погонах – последние птенцы гнезда Петрова оставались на посту, зная, что разводящим здесь может быть только Смерть». [4, 37] Генерал Деникин в июле 1917 г. со всей прямотой солдата бросил в лицо Керенскому: «Я слышал о том, что армию разрушили большевики. Я отрицаю это. Армию разрушили другие, те, кто провел военное законодательство, разрушительное для армии, те, кто не понимает образа жизни и условий, в которых существует армия... Это вы опустили наши славные знамена в грязь, и вы должны поднять их, если у вас есть совесть». [5, 378] Армия превращалась из защитника государства в его разрушителя. Массовый характер приобрело дезертирство. По оценке председателя IV Государственной думы М.В. Родзянко, после февраля 1917 г. со всех фронтов дезертировало около 1,5 млн. человек. Только на Западном фронте в мае 1917 г. дезертировало более 100 тысяч солдат. Русская армия, некогда единый мощный организм, медленно агонизировала. Как писал британский посол в Петрограде Дж. Бьюкенен, «русский солдат сегодняшнего дня не понимает, за что или за кого он воюет. Прежде он был готов положить свою жизнь за царя, который в его глазах олицетворял Россию, но теперь, когда царя нет, Россия для него не превышает размеров собственной деревни». [5, 375]

Не лучше выглядела ситуация и в экономике. Четырех месяцев анархии под названием «революция» было достаточно, чтобы к лету государственная казна затрещала по всем швам. Спад в промышленности составил 35 %, покупательская способность рубля снизилась в 15 раз, по имениям гулял «красный петух», производство сотрясали массовые забастовки, даже на оборонных предприятиях. К сентябрю Государственный банк выпустил в обращение более 9,5 млрд. рублей, ничем не наполненных [3, 447]. Усилилась натурализация хозяйства, денежная торговля уступила место обмену. «Работать никто не желал. Дороги не ремонтировались, рабочие самовольно разошлись...» - вспоминал позднее об этом времени казачий полковник Поляков [3, 446]. Стало очевидным, что это правительство не способно выправить положение и вытащить государство из той ямы, куда само же и завело. Лучше всего состояние России в 1917 г. отобразил А. Керсновский: «...Вся Россия превратилась в один огромный сумашедший дом, где кучка преступников раздала толпе умиленных зажигательные снаряды, а администрация исповедовала принципы полной свободы умиленным во имя «заветов демократии» [1, 190].

В условиях полного развала армии на фронте и разгула анархии в тылу, организованное «главноуправляющим» военным министром А. Керенским июньское наступление выглядело, по меньшей мере, глупо. Против этой авантюры военного министра высказались даже большевики, которых никак нельзя упрекнуть в симпатиях к армии. «4 июня большевистская фракция огласила на съезде Советов внесенную мною декларацию по поводу готовившегося Керенским наступления на фронте. Мы указывали, что наступление есть авантюра, грозящая самому существованию армии», - писал в своих мемуарах Троцкий. [3, 437] Наступление обернулось огромными потерями и бегством, а наиболее боеспособными оказались лишь части 8-й армии Юго-Западного фронта генерала Л.Г. Корнилова. Видя катастрофу на фронте, он направляет Керенскому жесткую телеграмму: «Армия обезумевших темных людей, не ограждающихся властью от систематического разращения и разложения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит... Я, генерал Корнилов, ...заявляю, что Отечество гибнет, и потому, хотя и неспрошенный, требую немедленного прекращения наступления на

всех фронтах в целях сохранения и спасения армии для реорганизации на началах строгой дисциплины и дабы не жертвовать жизнью немногих героев, имеющих право увидеть лучшие дни...» [3, 443]

Начинается звездный час боевого генерала, хотя, к тому времени он был довольно известным в армии военачальником. Герой русско-японской и мировой войны, Л.Г. Корнилов получил широкую известность после дерзкого побега из австрийского плена в 1916 г. Воинские подразделения, которыми он командовал, за короткий промежуток времени превращались в наиболее боеспособные коллективы с крепкой дисциплиной и боевым духом. После февральского переворота 1917 г., Корнилов был переведен в столицу на должность командующего Петроградским военным округом, но уже в апреле, несогласный с политикой Временного правительства он уехал из митингующего Петрограда на Юго-Западный фронт, где принял 8-ю армию. Именно его армия и стала основной ударной силой, геройски проявив себя при наступлении в июне и при отражении последующего Тарнопольского прорыва немцев. В середине мая офицер разведки 8-й армии капитан М.О. Неженцев по согласованию с Корниловым начал формирование 1-го Корниловского ударного отряда, способного стать примером для остальных частей. Позднее, в августе, на базе этого ударного отряда будет сформирован Корниловский ударный полк. В стальных касках, с черно-красными погонами и эмблемой черепа над скрещенными костями и мечами на рукаве - полк только одним видом будет наводить ужас на противника. 7 июля генерал от инфантерии Корнилов был назначен командующим Юго-Западным фронтом, сменив на этом посту А.И. Деникина, а уже 19 июля он стал верховным главнокомандующим русской армии. Сам генерал оставил противоречивый след в истории России, прежде всего как личность. Одним он представляется как ярый монархист, другим – как убежденный республиканец, третьим – типичный солдафон с замашками военного диктатора. Между тем, он не был ни тем, ни другим, ни третьим. Проведя всю сознательную жизнь на задворках великой империи, он не особо задумывался о политике. Прежде всего, он служил своей стране, служил честно, добросовестно, как и подобает русскому офицеру. «Проведя большую часть своей сознательной жизни на окраинах России, в борьбе за ее величие, счастье и славу, ему некогда было размышлять о преимуществах того или иного политического строя. Генерал Корнилов был государствовлюбом, для которого понятие «Россия» имело мистическое, почти божественное значение. Он служил монархии, Романовым лишь постольку, поскольку царь олицетворял для него идею Великой России», - писал впоследствии о своем командире поручик князь Н. Ухтомский. [6, 63] Корнилов принял Февраль 1917 г. со всеми его противоречиями и странностями, искренне веря, что революция изменит жизнь страны в лучшую сторону. Именно этим, вероятно, и можно объяснить факт, что, будучи командующим Петроградским военным округом, генерал награбил Георгиевским крестом унтер-офицера Кирпичникова, предательским выстрелом в спину убившего своего безоружного командира капитана Лашкевича в февральскую смуту 1917 г.

Вскоре после провалившегося наступления, очередного кризиса Временного правительства и большевистских беспорядков 3-5 июля в Петрограде, здоровая часть общества, для которого Россия еще не сузилась до размеров деревни, поняла, что дальнейшее попустительское безвольной и беззубой политике правительства и потакание Советам приведет к полному развалу не только армии, но и страну. Необходим был сильный, волевой лидер, способный навести хоть какой-то порядок в условиях военного времени, которому доверяла бы армия и общество. Взоры устремились именно на Корнилова, который еще у себя в 8-й армии добился жесточайшей дисциплины и порядка, для чего шел на крайние меры: ввел смертную казнь для дезертиров, мародеров, и всякого рода уголовных элементов, добившись затем от правительства официального закрепления этих мер. В его подразделениях были запрещены всякого рода агитация и пропаганда, митинги и со-

брация, азартные игры. Пьянство каралось смертной казнью. Эти меры дали положительные результаты – именно подразделения Корнилова отличались высоким боевым духом и решимостью, когда вся армия была на грани краха. В лице генерала Лавра Корнилова многие современники увидели реальный шанс на спасение и возрождение страны.

Вступив в должность Верховного главнокомандующего 19 июля 1917 года, Корнилов сменил на этом посту знаменитого генерала А.А. Брусилова, талантливого полководца, но нерешительного политика. В Могилев, в Ставку стали стекаться патриотически настроенные офицеры, политики, общественные деятели. Корнилов высказался предельно просто: «Для окончания войны миром, достойным великой, свободной России, нам необходимо иметь три армии: армию в окопах, непосредственно ведущую бой, армию в тылу – на мастерских и заводах, изготавливающую для армии фронта все ей необходимое и армию железнодорожную, подвозящую все это к фронту». [1, 450] Генерал настаивал на едином правовом режиме, как для фронта, так и для тыла, создании сильной государственной власти, милитаризации транспорта и большей части промышленности, восстановлении власти офицеров, смертной казни в тылу, воспрещении в армии митингов, собраний и агитаций, особенно большевистской направленности, роспуска войсковых комитетов. Говоря словами самого Корнилова, следует «изгнать из армии всякую политику, уничтожить право митингов» [7, 178] В поддержку этих мер Корнилова высказался такой авторитетный политик того времени, как П.Н. Милоков, лидер партии кадетов, до мая занимавший должность министра иностранных дел России во Временном правительстве. Проще всего выразилась по этому поводу кадетская газета «Речь» в начале августа 1917 г.: «Создание единой действительно независимой от Советов сильной власти, которая могла бы возродить армию и спасти страну... – вот требование, единогласно выдвигаемое всей страной». [8, 218] Эти слова можно расценивать как прямую поддержку генерала Корнилова одной из крупных партий этого периода.

Постепенно идеи генерала привлекали все большее число сторонников со стороны политиков, предпринимателей, деятелей церкви и руководства армии. Предложения Корнилова были поддержаны такими авторитетными генералами как Деникин, Лукомский, Алексеев, Каледин и др. А прошедшие в августе практически друг за другом в Москве Всероссийское совещание общественных деятелей и Государственное совещание показали, что планы Верховного главнокомандующего имеют широкую поддержку среди здравомыслящей части населения страны. В частности, участники Государственного совещания 9 августа 1917 г. направили генералу Корнилову телеграмму следующего содержания: «В грозный час тяжелых испытаний вся мыслящая Россия смотрит на вас с надеждой и верую. Да поможет вам Бог в вашем великом подвиге воссоздания могучей армии на спасение России». [9] Страна устала от анархии и неопределенности, и нужно было наводить порядок. Намерение генерала восстановить власть в стране, пусть и путем жестких мер, получило поддержку и от союзников по Антанте. Британское правительство прямо поставило на Верховного главнокомандующего: «генерал Корнилов представляет собой все, что является здоровым и порождает в России надежду». [5, с.293] Франция и Англия на союзнической конференции открыто потребовали от Керенского поддержать энергичного главнокомандующего попытку восстановления русской мощи. Не стоит думать, что «союзники» прямо были заинтересованы в восстановлении русской мощи и горячо желали этого. Их действия можно проследить по всему периоду войны. Просто на поверхность всплывает одна простая истина: в условиях фактического оголения фронта со стороны русской армии, страны Центральной оси снимали освободившиеся на Восточном фронте дивизии и перебрасывали их на Западный фронт. Именно поэтому, Антанта поставила на Корнилова, надеясь, что он частично возродит былую мощь русской армии, и она вновь оттянет на себя львиную долю германо-австрийских дивизий. Кроме того, знание генералом семнадцати восточных языков и умение свобод-

но общаться с солдатами Текинского конного полка на их родном языке существенно повысило авторитет Корнилова среди простых бойцов. Именно эти «горцы» позднее добровольно останутся с генералом для его защиты во время его продвижения на Дон после освобождения из Быховской тюрьмы.

Теперь все зависело от правительства и лично его главы А.Ф. Керенского, который сменил на этом посту князя Г.Е. Львова 8 июля 1917 г. Первоначально Александр Федорович соглашался с предлагаемыми Корниловым мерами, но затем стал менять свою позицию. Он еще продолжал играть роль «демократического премьера» и ревностно заботился о «демократических завоеваниях революции», и жесткие меры генерала могли серьезно подпортить ему репутацию. Если для Лавра Георгиевича основным было желание любой ценой навести порядок в стране и спасти ее от разрушения, то Александра Федоровича такие радикальные действия не устраивали, т.к. подрывали его авторитет как лидера «демократических сил» и делали реальным его последующее падение как премьера. Правда, как навести порядок в стране в условиях дикой анархии под названием «демократия» не знал и сам Керенский. Надо сказать, что демократию он понимал по-своему, довольно оригинально. Иначе как объяснить непонятный арест великого князя Михаила Александровича 21 августа, не говоря уже про арест царской семьи без всяких на то оснований? Ведь формально, Михаил еще являлся действующим императором, т.к. он не отрекся от престола, а только передал власть Временному правительству до созыва Учредительного собрания. Но это уже другая история. Кроме того, Александра Федоровича испугала прямая линия генерала, которая фактически вела бы к полному разгрому Советов. Довольно уникальный случай в истории: Керенский занимал должность председателя Временного правительства ...по совместительству, т.к. он стал заместителем председателя Петросовета 27 февраля, а в состав сформированного правительства вошел 2 марта 1917 г. на должность министра юстиции.

С августа 1917 г. в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве началась усиленная разработка планов по реорганизации власти при активном участии ближайших сподвижников Керенского – правительственного комиссара штабс-капитана М. Филоненко и знаменитого в прошлом террориста, а теперь управляющего делами военного министерства Б. Савинкова. Было разработано несколько пробных вариантов развития событий: проект единоличной диктатуры Верховного главнокомандующего (Корнилов или Керенский); «Директория» во главе с А. Керенским в составе Корнилова, Филоненко и Савинкова; новое коалиционное правительство во главе с Корниловым и включением в состав таких полярных деятелей как Г.В. Плеханов и А.В. Колчак; объявление Петрограда на военном положении и создание на базе петроградского гарнизона Особой ударной армии с целью последующей отправки на фронт. Первые два варианта Корниловым сразу были отвергнуты, по составу нового правительства шли переговоры, четвертый вариант не рассматривался вообще. По мнению современного российского историка Н. Старикова, Керенский полностью был согласен с предполагаемыми планами генерала, но затем предал его. На протяжении нескольких дней августа посредником на переговорах Керенского и Корнилова выступал бывший обер-прокурор Синода В.Н. Львов. Сам Корнилов в беседах со Львовым открыто выражал, что «участие г. Керенского в составе правительства я признаю безусловно желательным... По моему глубокому убеждению, единственным выходом из тяжелого положения страны является установление диктатуры и немедленное объявление страны на военном положении». [10, 17] В середине месяца на стол Корнилова легло сообщение военной контрразведки о том, что в последних числах августа – начале сентября большевики окончательно собираются захватить власть. Получив это сообщение и находясь под впечатлением полного разгрома 12-й армии Северного фронта генерал-лейтенанта Д.П. Парского и позорной сдачи Риги 20 августа, Корнилов стал склоняться ко второму варианту. Предполагалось создание Директории Керенский – Корнилов – Са-

винков как высшего органа управления страной до созыва Учредительного собрания. 25 августа в Ставке был подготовлен проект приказа о введении в Петрограде военного положения. Одновременно, по согласованию с правительством, на столицу начал движение 3-й конный корпус генерал-лейтенанта А.М. Крымова, усиленный 3-й бригадой Кавказского туземного корпуса генерал-лейтенанта князя Д.П. Багратиона. Такой же приказ получил дислоцированный в Финляндии кавалерийский корпус генерал-майора князя А.Н. Долгорукова.

И здесь начинается странное. Керенский уже давно тяготился растущей популярностью Верховного главнокомандующего и крайне болезненно реагировал на падение своего авторитета. Он решает устранить опасного для себя генерала, но не может найти подходящего предлога для этого. И тут пригодился Львов. 26 августа якобы от имени Корнилова, Львов предъявил Керенскому «ультиматум» из трех пунктов: 1) немедленная передача всей военной и гражданской власти в руки Верховного главнокомандующего; 2) немедленная отставка Временного правительства; 3) объявление Петрограда на военном положении. Получив это сообщение, Керенский решает действовать на опережение. На срочно созванном заседании правительства он получает для себя диктаторские полномочия, после чего правительство уходит в отставку, вызвав очередную кризис власти. Утром 27-го августа Керенский направляет в Ставку телеграмму, в которой отстраняет Корнилова от должности. 28 августа по указанию Керенского была создана Чрезвычайная следственная комиссия под руководством Главного военно-морского прокурора И.С. Шабловского для расследования «мятежа». В ответ сам Корнилов в своей телеграмме объявляет Керенского изменником, действующим в полном согласии с планами большевиков и германского генштаба. Вот как описывал свою позицию сам генерал на допросе в сентябре 1917 г.: «...Я пришёл к выводу, что правительство снова попало под влияние безответственных организаций и, отказываясь от твердого проведения в жизнь предложенной мной программы оздоровления армии, решило устранить меня... А потому я решил выступить открыто и, произведя давление на Временное правительство, заставить его: 1) исключить из своего состава тех министров, которые по имеющимся у меня сведениям, были предателями родины и, 2) перестроиться так, чтобы в стране была гарантирована сильная и твердая власть. Для оказания давления на Временное правительство я решил воспользоваться 3-м конным корпусом генерала Крымова, которому и приказал продолжать сосредоточение к Петрограду». [10, 17]

Телеграмму Керенского об отстранении Корнилова в Ставке восприняли как недоразумение. Правительственный комиссар Филоненко даже направил ответ: «считаю долгом сообщить, что принятое правительством решение о смене генерала Корнилова в обстановке данного политического момента вызовет такую аварию и волнение в армии, что фронт будет открыт... Только в последнюю минуту я настаиваю на необходимой приостановке отставки генерала Корнилова правительством. Необходимо также свидание министра-председателя и генерала Корнилова». [1, 220] Свое резкое неприятие действий Керенского выразили в телеграммах правительству начальник штаба Ставки генерал-лейтенант А.А. Лукомский, командующий Юго-Западным фронтом генерал-лейтенант А.И. Деникин, командующий Северным фронтом генерал от инфантерии В.Н. Клембовский, командующий Западным фронтом генерал от инфантерии П.С. Балубев, командующий Румынским фронтом генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев. Верность правительству выразили только командующий Московским военным округом полковник А.И. Верховский (вскоре в благодарность за это ставший генералом и назначенный на должность военного министра) и командующий Кавказским фронтом генерал от инфантерии М.А. Пржевальский.

Генерал Корнилов был храбрым офицером, неплохим военачальником, честным политиком, но в деле организации переворотов особого умения не показал. Посланные им для захвата столицы и установления там порядка войска даже не дошли до пригородов, как были остановлены и распропаган-

дированы агитаторами Петросовета и правительства. Нерешительность генерала Крымова, застрывшего под Лугой и получившего противоречивые приказы Корнилова и Керенского, привела к тому, что его конный корпус, один из лучших в армии был элементарно разложен. Железнодорожные пути, по которым двигались войска, были благополучно разобраны. В ликвидации «мятежа» большую помощь правительства оказали левые партии. 28 августа ВЦИК Советов принял резолюцию о полной поддержке правительства в ликвидации «заговора». Но самую неоценимую помощь Керенский получил от большевиков. «Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, как и войска Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость», - писал в те дни В.И. Ленин. [11, 142] И он был прав. Под лозунгом «Революция в опасности! К оружию!» на предприятиях города стали создаваться многочисленные красногвардейские отряды, легально получавшие оружие с армейских складов. Уже через три часа после приказа Керенского об отстранении Корнилова, численность Красной гвардии выросла до 25 тыс. человек. Разумеется, правительству она не подчинялась. Полки столичного гарнизона, до этого занятые бесконечными митингами и лужением семечек, вдруг проявили «революционную сознательность» и надумали защищать «революционный Петроград» от корниловцев. Правда, выяснилось, что и особо защищать то город было не от кого...

Попытка «переворота» закончилась так же внезапно, как и началась. Уже 29 августа в Бердичеве был арестован командующий Юго-Западным фронтом генерал Деникин вместе со своим начальником штаба генералом С.Л. Марковым. В Пскове был взят под стражу командующий Северным фронтом генерал Клембовский. 31 августа после резкого разговора с Корниловым при загадочных обстоятельствах застрелился (или был застрелен?) один из лучших генералов русской армии Александр Михайлович Крымов. А 2 сентября в Могилеве было арестовано все руководство Ставкой во главе с Корниловым и организованно доставлено в Быховскую тюрьму. Арест проводил генерал от инфантерии М.В. Алексеев, уже однажды сыгравший свою роковую роль в февральских событиях.

Коалиция Керенского с большевиками привела к значительному усилению вторых и окончательному падению первого, это был лишь вопрос времени. Именно после этого

УДК 94(438)

Кабот Т.Ф.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ЛЮБИТЕЛЬСКИХ ТЕАТРОВ В ПОЛЕССКОМ ВОЕВОДСТВЕ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Важное место в культурно-просветительской деятельности занимают профессиональные гастрольные коллективы и разнообразные самодеятельные театральные труппы. В Бресте в межвоенный период действовало музыкальное общество, по инициативе которого в городе была открыта музыкальная школа имени Кароля Шимановского. Директор школы Чеслав Чесновский и члены совета музыкального общества Мечислав Вёнзык и Фаустин Зигмунд создали концертно-оперную секцию, которая регулярно организовывала для жителей города, увлекающихся классической музыкой, концерты и оперные вечера. Под руководством Элизы Волковой, Антония Козельского и Юлиуша Ханевского сформировался коллектив солистов, хор, балетная труппа и оркестр, которые готовили и выставляли известные произведения из репертуара мировой и польской классики: «Страшный двор», и «Хальку» С.Манюшки, «Травиату» Д.Верди и многие другие. 5 мая 1928 г. состоялось представление оперы П.И.Чайковского «Евгений Онегин». При этом вместе с любительским коллективом выступила приглашенная из Варшавы известная опер-

большевики настолько усилились, что стали играть ведущие роли в Советах, а значит, и сами Советы забирали власть в свои руки. Пойдя на коалицию с большевиками, Керенский в очередной раз показал свою полную бездарность как политик, открыв им дорогу к последующему захвату власти. Последние надежды на мирную эволюцию страны рухнули.

Из всего этого видно, что мятежный генерал действовал в полном согласии с Временным правительством и, можно сказать, что в полном соответствии с планом Керенского. Можно по-разному относиться к личности Лавра Георгиевича и к его действиям. Он ошибался и заблуждался, причем довольно значительно. Но нельзя оспорить тот факт, что он искренне пытался спасти армию и государство от катастрофы так, как велел ему воинский долг и честь офицера. Валентин Пикуль в романе «Баязет» вложил в уста одного из своих героев полковника Хвощинского такую фразу: «Офицерские погоны ещё не делают человека офицером». К сожалению, и в русской, и в Белой, и в Красной, а затем и советской армиях хватало людей, полностью соответствовавших этому определению. Тем отрядней осознавать, что генерал Корнилов был ярким исключением.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. А.В. Шишов. Корнилов. Несостоявшийся диктатор. – М., 2004.
2. А.И. Деникин. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917. – Мн., 2003.
3. Н. Стариков. Кто убил Российскую империю? – М., 2006.
4. С.Н. Базанов. Бумеранг братания // Военно-исторический журнал. 1997. – № 1. – С. 37.
5. А. Уткин. Забытая трагедия. Россия в первой мировой войне. Смоленск, 2000.
6. В. Ж.Цветков. Лавр Георгиевич Корнилов // Вопросы истории. 2006. – № 1. – С. 63.
7. Р.М. Португальский. Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. – М., 1994.
8. Новейшая история Отечества. XX век. Том 1 // Под ред. А.Ф. Киселева. – М., 1999.
9. <http://www.historydoc.edu.ru>.
10. Г. Иоффе. Сорванный заговор или неосуществившийся сговор? // Московские новости. – 1992. – № 34. – С. 17.
11. Г.З. Иоффе. Белое дело. Генерал Корнилов. – М., 1989.

ная певица Зоя Пенинская. Благодаря деятельности музыкального общества в Бресте часто гостили знаменитости из мира музыки, такие, к примеру, как Барбара Костшевская и Ханка Ордонка [1, 24-26].

Большую роль в культурно-просветительской деятельности сыграл Полесский союз театров и народных хоров, один из первых (кроме Люблина и Познани) организованных во второй РП [1, 24-26]. В 1929 г. региональные союзы народных театров и хоров поддержали инициативу Енджея Церняка о создании Института народных театров. Устав Института своей целью определил поддержку и объединение усилий всех региональных народных театров, оказание помощи всем лицам, занимающимся непрофессиональной актерской деятельностью. В состав Института вошли представители 10 региональных союзов (в.ч. Полесского), Союза польских учителей, Союза актеров польских сцен, Института обучения взрослых. Председателем ИНТ был Е.Церняк, руководителем – Ежи Завийский. Институт издавал журнал «Народный театр», публиковал материалы методического характера и примерный

Кабот Тамара Федоровна, кандидат исторических наук, доцент Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина. Беларусь, БрГУ, 224665, г. Брест, бульвар Космонавтов, 21.